

ОСНОВНЫЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТИПЫ ОБЩИХ ВОПРОСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE MAIN COGNITIVE-COMMUNICATIVE TYPES OF GENERAL QUESTIONS IN RUSSIAN

Формулирование вопросов рассматривается в статье как один из важнейших видов когнитивной деятельности. Общие вопросы в русском языке разделены на 7 типов в соответствии с их коммуникативной структурой, когнитивно-коммуникативной целью и ментальными состояниями и установками участников коммуникации.

Шатуновский И. Б.

Университет «Дубна», г. Дубна

shatun49@mail.ru

1. Как неоднократно отмечалось, стандартные, канонические вопросы с точки зрения содержания делятся на 2 части. Одна из них — это описывающая действительность дескрипция, другая — побуждение сообщить информацию. Дескриптивный компонент, в свою очередь, состоит, используя идеи и терминологию Ш.Балли [1955], из двух частей: описание объективной ситуации — диктум, и компонент ‘имеет место’, соотносящий диктум с действительностью — модус. В более поздней и более точной (*модус* у Балли понимается в разных местах в разных смыслах) терминологии Ч.Филлмора эти части называются пропозиция и модальность [Филлмор 1981, с. 403].

2. Общие вопросы делятся на различные формально-коммуникативные типы в соответствии с тем, какой (какие) из указанных выше компонентов дескрипции вопроса находится в коммуникативном фокусе, относится к реме, к новому, а какой (какие) относятся к данному, известному в дискурсе, активированы в дискурсе¹.

Два основных типа общих вопросов, которые могут быть выделены с точки зрения новизны / данности компонентов вопроса в дискурсе, это (1) модальные (*Вы любите сыр?*) и (2) диктально-модальные (*Любите ли вы сыр?*) вопросы. В модальных вопросах в коммуникативном фокусе модус (‘имеет место’); диктум, описание ситуации, пропозиция относится к данному, к теме; в диктально-модальных вопросах в коммуникативном фокусе (в реме) вопроса и модус (‘имеет место’, = ‘есть в действительности’), и диктум, пропозиция (описание ситуации). Тип (1) характеризуется сильным ударением и резким подъемом тона (интонационным пиком) на предикате (глаголе) (его ударном слоге); тем самым иконически выделяется модальный компонент ‘имеет место’, который как раз и заключен в финитной форме глагола, содержащей в своей семантике модальные значения

наклонения и времени. Тип (2) маркируется наличием частицы *ли* и выносом на первое место во фразе предиката.

Диктально-модальные вопросы, в свою очередь, делятся на два (под)типа. Тип (2а) — собственно вопросы — характеризуется наличием двух интонационных пиков: подъем тона на глаголе, затем снижение и новый, примерно такого же уровня подъем на именной группе (ИГ): *Пере'ехал ли он на новую кварт'иру? Удал'ось ли ему купить д'ом?* Подобная интонация иконически показывает, что в фокусе и модус, и диктум.

Тип (2б) можно назвать **проблемными вопросами**: они не содержат направленного к адресату (А) побуждения сообщить информацию (дать ответ на вопрос) и вообще не предполагают А. Такие вопросы представляют собой описание проблемы, они вводят в текст новую для данного дискурса проблему. В этом отношении они подобны собственно интродуктивным (повествовательным) предложениям, отличаясь от них тем, что описание фрагмента действительности, которое они вводят, является не однозначным, а альтернативным, представляет собой дизъюнкцию альтернатив. Поэтому интонационный контур у них такой же, как и интродуктивных предложений, вводящих в дискурс новое событие, положение вещей и т.д., а именно: тон плавно поднимается на первом слове (его ударном слоге) вопроса, держится на этом уровне почти на всем протяжении вопроса и затем плавно опускается в конце (интонационная «шапка», *hat-construction*): *Знаете ли вы украинскую ночь?* (Гоголь); *Есть ли жизнь на Марсе? Это вопрос, на который наука пока не знает ответа.*

Ли-вопросы, сохраняя свою коммуникативную структуру, могут быть транспонированы в косвенные вопросы: *Я спросил его / Я спрашиваю вас, есть ли жизнь на Марсе / любит ли он театр — собственно вопросы; Меня интересует, любит ли он театр / есть ли жизнь на Марсе; Есть ли жизнь на Марсе — это науке пока не известно —*

¹ Под дискурсом мы понимаем контекст и / или ситуацию употребления вопроса.

проблемные вопросы. (Подробнее см. [Шатуновский 2001]).

3. Другое кардинальное деление в области общих вопросов — это противопоставление собственно вопросов (модальных и диктально-модальных вопросов, описанных выше) и вопросов-предположений². В случае собственно вопросов говорящий (Г) не делает никаких предположений относительно того, что имеет место в мире; он просто хочет узнать, что имеет место, имеет ли такое-то положение вещей (Р) место в мире или нет, и спрашивает адресата (А) об этом. В случае вопросов-предположений Г делает (выдвигает) предположение, что такое-то положение вещей имеет место (что Р имеет место / имеет место Р), и спрашивает А, правильно (истинно) ли его предположение.

Вопросы-предположения могут быть, в свою очередь, разделены на различные коммуникативные типы. Тип (1) — диктальные вопросы-предположения³. В ситуации употребления таких вопросов Г-му известно, что нечто имеет место, но неизвестно, что именно имеет место; он выдвигает предположение, что имеет место Р (другими словами, Г говорит, что это возможно Р, что имеет место) и спрашивает А, верно ли его предположение: *Он не может идти. — Почему? Что случилось? Он сломал ногу?*

В коммуникативном фокусе таких вопросов — диктальное Р. Интонационный контур таких вопросов, опять-таки иконически, характеризуется отсутствием резкого выделения какого-либо слова; тон плавно повышается от начала высказывания и достигает пика на последнем слове вопроса; вопрос в целом произносится в более высоком регистре⁴. В последнем случае интонация похожа на ту, которую имеет частичный модальный (в не очень удачной, в данном случае, терминологии Ш. Балли) вопрос: *(Куда пошел Павел?) Павел пошел в школу? (Что он сломал?) Он сломал ногу?*, однако в последнем случае нет той интонационной слитности всей вопросительной фразы, которая характеризует полный вопрос, и более резко выделяется слово,

² См. и ср. [Bolinger 1978; Русская грамматика 1980, с. 388].

³ Х.Р.Мелиг [Mehlig 1991] называет такие вопросы полными (общими) экспликативными вопросами, А. Н. Баранов и И. М. Кобозева [1983] — вопросами с неингерентной темой.

⁴ В вопросах данного типа порядок «субъект – глагол – объект» является нейтральным и прототипическим. Маркированные варианты порядка слов в этом типе связаны с меной местами объекта и глагола: *Чего это вы в молочный отдел постоянно наведываетесь? Вы сыр любите?* В этом случае объектная ИГ «уводит» с собой подъем тона (акцентный пик). Заметим, что такой порядок слов не всегда возможен, ср. неестественность: *Он ногу сломал?* Кроме того, объект вообще может отсутствовать: *Что с тобой? Ты устал?*

находящееся в коммуникативном фокусе. (Подобие интонационных контуров этих вопросов объясняется тем, что частичный модальный вопрос является частичным экспликативным вопросом, частичным вопросом-предположением.) Это предположение противопоставлено другим возможным диктальным альтернативам (*сломал ногу – заболел – пьян* и т.д.).

Тип (2) можно назвать модальными вопросами-предположениями. В этом случае известно, что данное Р (Р данного типа) бывает в таких случаях, то есть его диктальное содержание дано, известно в дискурсе; Г предполагает, что оно **есть (будет, было)** (в данном случае), и спрашивает А, верно ли его предположение: *Лука. Ну, обыгр'али таг'арина? В'одочку пить пойд'ете?* (М.Горький. На дне). В дискурсе пьесы известно, что если коллективный А (шулера), к которым обращается Г, начинают играть с кем-то, то они его обыгрывают; известен также их обычай после этого идти пить водку. Первый вопрос в этой последовательности может быть понят и как (собственно) модальный, = 'обыграли или не обыграли?'. Второй вопрос предпочтительно понимается как модальное предположение, ср. с интонацией модального вопроса: *Водочку пить пойд'ете?* Аналогично: *Я получил много денег. — Теперь пере'едешь на новую кварт'иру?* Здесь ясно, что об этом уже шла речь, и предположение касается модального компонента, реализации Р.

4. Наконец, третья чрезвычайно важная группа общих вопросов (как, впрочем, и не только общих, но также частных вопросов) связана с введением в мир (в картину мира) участников коммуникации, Г и А, **самой идеи возможности Р (или не Р)**. В собственно вопросах и описанных выше вопросах-предположениях представление о возможности Р (и тем самым не Р, отсутствия Р — возможность Р конституируется возможностью не Р, см. [Шатуновский 1996, с. 181186]), = об альтернативности рассматриваемого фрагмента мира в отношении Р и не Р, о том, что в данном фрагменте мира может быть Р, и может быть не Р, имеет место в умах участников коммуникации ДО постановки вопроса и является тем самым, говоря иными словами, пресуппозицией, исходным предположением вопроса. Однако идея о наличии альтернатив в данном фрагменте мира, о возможности Р и не Р, может отсутствовать в умах участников коммуникации. В этом случае Г в своем вопросе сообщает (или формулирует) саму идею возможности Р, которая тем самым является в таких вопросах новой (уточнения см. далее). В русском языке имеется 3 типа таких вопросов; два из них маркируются отрицательной частицей *не*, которая не имеет здесь собственно отрицательного значения. Поэтому такие вопросы мы будем называть *позитивными не-вопросами*. Позитивные *не-вопросы* следует отличать от диктальных и модальных вопросов *не-вопросов* – предположений,

описывающих отрицательную альтернативу. Последние не имеют никакой собственной специфики, совпадая функционально, семантически и интонационно с соответствующими позитивными вопросами-предположениями (с тем само собой понимаемым отличием, что позитивные и отрицательные предположения высказываются в различных объективных ситуациях). Напр., хозяин гостю, который даже не притронулся к стоящему на столе сыру: *Вы (что,) не любите сыр?*. Далее рассматриваются именно и только позитивные *не*-вопросы.

Ситуация с наличием идеи возможности Р различна в случае *не*-... и *не-ли*-вопросов.

5. В случае *не*-вопросов Г имеет в своем уме идею возможности Р, он знает, понимает и т.п., что в данном фрагменте реальности есть альтернативы 'Р' и 'не Р', однако он понимает, что А может не иметь в своем уме (= не знать), что Р возможно. Само когнитивное состояние ума А, как его представляет Г, является «альтернативным»: ситуация такова, что А может не иметь никакого представления о данном фрагменте, а может и иметь. Иными словами, Г **не уверен**, что А имеет в своем уме представление о возможности Р. Например: *Вы не получили мое письмо?* А мог получить письмо, и в этом случае у него в уме имеется представление о фрагменте 'получение письма от Г' (в позитивной форме). Однако он мог и не получить (еще или вообще) этого письма. Тогда у него нет ни малейшего представления о том, что он должен был получить письмо, и он получит информацию о том, что такая возможность есть (была), из данного вопроса. Таким образом, Г, формулируя *не*-вопрос, (а) **сообщает** А-у (как бы на всякий случай), что получение письма от Г (было) возможно, и (б) спрашивает, имело ли это место. В том случае, если Г-му заведомо известно, что А имеет сведения о возможности получения письма (например, Г уведомил А о том, что он послал ему письмо), возможен только собственно вопрос: *Вы получили мое письмо?* Поскольку такие вопросы являются не просто вопросами, но одновременно **сообщениями о возможности Р**, в ряде ситуаций происходит (вполне предсказуемый и закономерный) сдвиг в их употреблении. В частности, в будущем времени, когда речь идет о неконтролируемых последствиях действий А (и, следовательно, А не может знать, будет ли это), *не*-вопросы превращаются в сообщения о возможности таких последствий: [А ставит стул на стол и забирается на него с целью достать лампочку. Г обеспокоенно:] *Вы не упадете?* Вопрос отражает следующие установки Г. Имеет место возможность падения А; Г не знает, осознает ли наличие такой возможности А; Г сообщает ему (на всякий случай), что возможно падение А и (косвенно, тем самым) побуждает его усилить контроль над ситуацией, чтобы не допустить этого.

6. В случае *не-ли*-вопросов возможность Р (более конкретно: само диктальное Р и его возможность, другими словами, то, что возможно, что нечто имеет место, и что возможно, что это Р, то, что имеет место) является абсолютно и безусловно новой для А (уточнения и дополнения далее). Такие вопросы предполагают, что А в любом случае не имеет предварительной информации о возможности Р. Г в своем вопросе сообщает А, что Р возможно (= в данном фрагменте мира есть возможность 'Р' и 'не Р') и одновременно выдвигает предположение, что имеет место Р. Как и во всех вопросах с *ли*, здесь в фокусе и то, что нечто имеет место (модус), и что это именно Р, что имеет место (диктум). Поэтому такие вопросы можно было бы назвать (чтобы максимально полно отразить их специфику) вторичными модально-диктальными вопросами – сообщениями (о возможности Р) – предположениями. *Вторичные* означает, что это, так сказать, предположения в квадрате: Г не только выдвигает в своем вопросе — как **новое** — предположение, что в данном фрагменте возможно Р и не Р, но также выдвигает предположение, что имеет место именно Р. Ср. соотносительные собственно вопросы и *не-ли*-вопрос. *Закрыли ли вы дверь? Вы закрывали дверь?* употребляются в ситуации, в которой как Г, так и А знают, что дверь должна быть закрыта А-ом, однако Г не знает, закрыл он ее или нет, и спрашивает об этом А, который **имеет в своем уме** либо 'Я закрыл дверь', либо 'Я не закрыл дверь'. В то же время вопрос *Не закрыли ли вы дверь?* имеет совершенно другое значение. Он значит что-то вроде: *Может быть, вы закрыли дверь?* Этот вопрос используется в ситуации, когда А не имеет в своем уме никакого представления о том, закрыл он дверь или нет, и вообще не думает об этом, не имеет идеи закрытия двери ни в каком виде, на этом месте в его уме пробел, пустота. Например, он закрыл дверь и потом забыл об этом, или закрыл дверь случайно и не заметил этого.

Однако имеется и другое, возможно, более общее и более важное свойство *не-ли*-вопросов. Возможность Р (идея возможности 'Р' и 'не Р' и то, что предположительно имеет место именно Р, а не не Р) является здесь новой не только для А, но и **для самого Г!** Такие вопросы в подавляющем большинстве случаев (а в норме — всегда) употребляются в ситуации, когда до момента формулировки вопроса Г сам не имел в своем уме идеи о возможности Р (Р или не Р) в данном фрагменте действительности; Г формулирует *не-ли* – вопрос не только и не столько для А, сколько **для самого себя**⁵. В таких вопросах особенно ярко и

⁵ Как исключение из этого правила могут рассматриваться вопросы с глаголами восприятия, знания и бытийными глаголами, типа тех, что задает в сказке Пушкина королевич Елисей месяцу, солнцу и ветру: *Не видал ли где на свете ты царевны*

наглядно проявляется то, что язык является не только средством коммуникации, но и средством мышления. Есть вопросы чисто коммуникативные, они немыслимы без А; таковы модальные собственно вопросы и вопросы-предположения; так, мы не можем спросить сами у себя, без всякого А: *Петя приехал? Он не упадет?* В то же время *не-ли-вопросы* могут употребляться и чаще всего употребляются без всякого А. Они не нуждаются в адресате, адресат здесь факультативен, поскольку такие вопросы являются средством мышления — «разговора с самим собой» (Платон). Такие вопросы, первично, являются средством формулировки предположения в уме Г-го (посредством языка) или, вторично, средством описания процесса и результата формирования такого предположения (в художественной и научной литературе). Разумеется, такие вопросы могут выполнять одновременно и коммуникативную функцию; они могут формулироваться в присутствии другого человека (других людей), который является здесь в некотором смысле, **частично** адресатом: Г формулирует предположение одновременно для себя и для А; может быть, А, для которого это предположение также является новым, найдет ответ на этот вопрос? Таков, например, вопрос на совещании, где обсуждаются возможные причины гибели подводной лодки: *Не столкнулась ли подводная лодка с миной?*

Не-(ли)-вопросы, формулируемые в присутствии А и в расчете на его реакцию (для *не-ли-вопросов* — только возможную, такие вопросы, как было отмечено выше, не предполагают обязательного ответа А-а и самого его наличия), бывают двух типов: (1) стандартные вопросы-предположения, предполагающее кооперативное участие А в поиске ответа на этот вопрос (пример выше); (2) вопросы, предполагающие, что А некооперативен, что он может знать или даже точно знает, имеет ответ на этот вопрос-предположение, но не захочет ответить на него, скроет или исказит истину. В этом случае и в присутствии А-а Г формулирует вопрос в большей степени для себя, ср. у Гоголя: Плюшкин, пораженный предложением Чичикова платить подати за его умерших крестьян, выдвигает предположение, позволяющее объяснить подобное поведение гостя: *Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?* Характерно, что хотя Чичиков и ответил, что он не служил в военной службе, а служил по статской, Плюшкин не поверил

молодой? Такие вопросы образуют особую группу, близкую по значению и употреблению к *не-вопросам* (см. [Баранов, Кобозева 1983]). Заметим, однако, что в современном русском языке такие вопросы представляют собой непродуктивную модель и звучат «шероховато». Представим, что А был на приеме в Кремле. Г.: *?? Не видал / Не видел ли ты там президента Путина?*

ему, и «заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками».

7. Наконец, третий тип вопросов, говорящих о возможности Р — это вторичные позитивные *ли-вопросы-предположения*. Все *Не Р (ли)-вопросы*, в том числе и косвенные (*проверил, не подтекает ли*), выдвигают идею возможности Р на фоне пресуппозитивной альтернативы ‘не Р’. Точнее говоря, до формулировки вопроса ‘не Р’ рассматривается не как альтернатива, а как фактическое положение вещей, альтернативой оно оказывается после формулировки вопроса. То есть думали, полагали, планировали, что... , ожидалось, должно быть и т.д. ‘не Р’, в *не-ли-вопросе* это ‘не Р’ «альтернативизируется», сообщается, указывается на то, что возможна альтернатива Р; тем самым и ‘не Р’ оказывается уже не фактическим положением вещей, а только альтернативой. В совершенно ясном (хотя и несколько расширенном смысле) это относится и к собственно *Не Р (ли)-вопросам-предположениям*, в случае которых до формулирования вопроса на месте Р «пустота», пробел. В совершенно очевидном смысле эта «пустота» с денотативной точки зрения (в «прозрачном», *de re* понимании) представляет собой ‘не Р’, отсутствие Р; после формулирования вопроса эта «пустота» альтернативизируется и становится «пустотой», а отсутствием Р, ‘не Р’. Позитивный *ли-вопрос-предположение* формулируется в противоположной ситуации, а именно, фон образует позитивная альтернатива: фоновым исходным положением вещей является ‘Р’; в вопросе это положение вещей альтернативизируется, оказывается только альтернативой. Иными словами, думали, считали, полагали, что.. , должно быть ‘Р’; вопрос выдвигает предположение возможности не Р и тем самым делает Р только альтернативой: (*Да*) *Завозят ли сюда продукты? (Да) Служил ли он в армии?* Заметим, что это относится ко всем видам общих вопросов, то есть не только полным (в смысле Балли) вопросам, но и частичным модальным (по Балли) вопросам. Так, *Не Освальд ли убил Кеннеди?* употребляется в ситуации, когда думали, что Кеннеди убил не Освальд, или, шире, не думали, что Кеннеди убил Освальд (вообще не думали об Освальде как о возможном убийце Кеннеди); в вопросе выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил Освальд. *Освальд ли убил Кеннеди?* предполагает противоположную исходную фоновую ситуацию: думали, что Кеннеди убил Освальд; выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил не Освальд.

Заметим, что сказанное выше позволяет объяснить противоречие между формой вопроса и выдвигаемым в нем предположением, то есть то, что негативный по форме вопрос выдвигает позитивное предположение, а позитивный — негативное.

Видимо, это отражает следующую деривацию: сначала формулируется пропозиция, отражающая фоновое, исходное представление о положении вещей (в одних случаях это 'не Р', в других — 'Р'); затем это представление ставится под вопрос, = подвергается сомнению; тем самым это положение вещей альтернативизируется, становится не тем, что

фактически есть, а только альтернативой. Поскольку исходное фоновое представление о положении вещей является известным, данным, в коммуникативный фокус попадает представление о противоположной невыраженной альтернативе — 'Р' и 'не Р', соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955. 416 с.
- 2) Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3. С. 263-274.
- 3) Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
- 4) Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 369-495.
- 5) Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
- 6) Шатуновский И.Б. Основные коммуникативные типы полных (общих) вопросов в русском языке // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 246- 265.
- 7) Bolinger D. Yes-no questions are not alternative questions // Questions. Dordrecht, 1978. P. 87-105.
- 8) Mehlig H.R. Экзистенциальные и экспликативные вопросы // Russian Linguistics **15**, 1991. С. 117-125.